

Академическая и публичная социология: опыт нескольких десятилетий и современные проблемы

Оглядываясь назад, на Вашу академическую деятельность, что бы Вы назвали самым важным из того, что Вы сделали?

Академической социологией я начал заниматься уже после того, как занимался академической наукой много лет, но как психолог. Но когда перешел в отдел социологии под руководством Владимира Оссовского в 1980 году, пришлось основательно осваивать новую для меня отрасль знания. В этом мне помогала Наталия Панина, моя супруга, которая значительно раньше перешла из психологии в социологию. Конечно же, я начал с чтения серьезной социологической литературы и учился у тех, кто уже имел опыт социологических исследований. Первые мои пробы я бы не назвал такими, которые следует особо отметить, хотя там были и вполне достойные работы. Отдел тогда занимался социально-профессиональными ориентациями молодежи, и в крупных монографиях под редакцией Владимира Оссовского были и мои разделы, но это я не назвал бы заметным шагом в развитии науки. Это были просто добротные профессиональные работы. А вот первая моя серьезная социологическая монография (собственно, она потом стала и докторской диссертацией) — это “Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи”. Вот она, на мой взгляд, является вполне достойным шагом в науке. Эта работа до сих пор очень цитируема. И не только в Украине, кстати говоря. Больше всего цитируют те ее разделы, которые связаны с изучением ценностных ориентаций — концепцией ценностных ориентаций и методикой измерения противоречивости ценностных ориентаций. В российских школах, например, последняя стала типовой и рекомендуется для проверки учителями уровня сформированности профессиональных ориентаций школьников.

Какие еще научные шаги в социологии Вы можете назвать, которые сопоставимы с упомянутым исследованием?

Следующий шаг, который можно расценивать как по-своему значимый, — это наш международный проект, где в 1991 году были проведены два первых серьезных репрезентативных для Украины опроса. Это был совместный с венгерскими и американскими социологами проект, который назывался “Постсоциалистический гражданин”. Нашими коллегами были Янош Шимон и Ласло Бруст из Венгрии и известный американский политолог Ричард Барнз. Они руководили проектом, а мы с Наталией Паниной и Николаем Чуриловым отвечали за Украину. Это был очень весомый проект, и по нему было много публикаций. Монография из этого материала была опубликована в 1992 году. Я ее не стыжусь, хотя она была скорее не концептуальная, а социографическая — “Политическая культура населения Украины”. Я и Юрий Пахомов выступили редакторами, а наши коллеги приняли участие в ее написании — Наталия Панина, Николай Чурилов, Игорь Буров, Сергей Макеев. И в это же время мы с сотрудниками сектора, который тогда назывался сектором демократизации общества, подготовили теорети-

ческую книгу “Демократизация общества и развитие личности”, которую считаю вполне интересной. У нее было три автора — Евгений Головаха, Ирина Бекешкина, Виктор Небоженко. Вполне в духе времени, вполне актуальная и с оригинальными концептуальными идеями.

Если несколько отклониться от академических результатов и коснуться темы демократизации. Как тогда виделся потенциал и проблемы демократизации в Украине?

Проблем было очень много. Потенциал казался неограниченным. Но выяснилось, что проблемы очень масштабные, а потенциал все же ограниченный. Это со всей очевидностью стало понятно лет через 15. А тогда во всем виделись неограниченные возможности. И мы пытались изыскать и средства, и возможности для изменения общества. Я тогда, в 1993 году, написал вполне в духе времени брошюру “Стратегія соціально-політичного розвитку України”. Это было сделано по просьбе Вячеслава Черновола. В то время был создан Центр “Демократические инициативы”. Илько Кучерив был исполнительным директором, а я — научным. Так что я на тот период разработал свою стратегию, но, к моему сожалению, ею никто не воспользовался. Впрочем, я писал от “Деминициатив” — исследовательского центра, инициированного Народным Рухом, так почему ее должен был Леонид Кравчук использовать? Через три года эта стратегия была развита в монографии “Трансформирующееся общество”, в которой впервые были обобщены результаты социологического мониторинга Института социологии НАН Украины.

Вы сказали о том, что было очень много проблем, но потенциал виделся как неограниченный. И в процессе выяснилось, что проблемы никуда не деваются, а с потенциалом проблемы.

Проблемы нарастают. Оказалось, что проблем становится все больше, а потенциала все меньше. И вот это главная проблема. Очень малый потенциал возможностей и очень большой потенциал проблем, сложных проблем.

Тогда в чем состоит основная проблема в данном контексте?

Основная проблема — это отсутствие институтов демократического общества. Причем не было не только институтов, не было важных предпосылок для их формирования. По сути, все демократические институты существовали формально, были легальными, но не были легитимными, то есть не принимались массами.

А теперь какая основная проблема?

Та же самая. Полноценных демократических институтов все еще нет.

Слабые, наверно? Появились, но слабые?

Они у нас все еще очень слабые и требуют постоянной опеки. А поначалу их просто не было. А были предпосылки для воспроизводства советской системы — то, что произошло в России, в Беларуси и произошло бы и в Украине, если бы украинцы не имели исторического опыта стихийной демократии и анархии. Украинцы не дали восстановиться советскому режиму. Надеюсь, уже и у белорусов что-то проросло. Нужно начать хотя бы, сделать первый шаг.

Конечно, тут возникает много сопутствующих вопросов. Но мы так уйдем в другую сторону от академической социологии. Итак, мы уже говорили о вашей докторской, потом, в контексте политической культуры, о теоретической и эмпирической работе, а также о стратегии. Каков следующий сопоставимый по важности научный вклад?

Итак, следующий очень серьезный шаг, и я бы сказал, что с точки зрения вклада в мировую науку он, возможно, самый важный. В 1986 году Николай Чурилов, я и Александр Вишняк поехали в Чернобыль изучать проблемы, связанные с ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС, Первые ликвидаторы получали безумные дозы, и у них была масса проблем психологического и социального характера. Это был октябрь 1986 года, и мы работали с первыми ликвидаторами. Потом мы составили рекомендации для командования. В то время это был Ленинградский полк химической защиты, который работал по дезактивации реактора. Кроме этого, мы написали книгу “Человек в экстремальной производственной ситуации”. Я был ответственным редактором, а Наталия Панина, Николай Чурилов, Сергей Макеев — соавторами. Благодаря этому американские исследователи, которые проводили исследование последствий аварии на АЭС в Тримайл Айленд под руководством профессора Университета штата Нью-Йорк (Стони-Брук) Эвелин Бромет, пригласили нас с Наталией Паниной в свой масштабный проект “Изучение здоровья, психологического состояния и социального самочувствия детей и матерей, эвакуированных из Припяти”. В этом колоссальном проекте изучалось все — от результатов медицинского обследования до социального самочувствия и психологического состояния. Все изучалось с использованием очень сложной системы методов. И это исследование приобрело существенный резонанс в мире. Эвелин Бромет уже тогда была известна в мире, но впоследствии она стала одним из главных специалистов по проблемам последствий ядерных аварий. После аварии на Фукусиме она была уже ведущим экспертом. А мы выполнили большую часть работы, связанной с Украиной, участвовали и в разработке методик, и в разработке концептуальных оснований, и в подготовке публикаций. (Собственно тех публикаций, которые относятся к уровню А, чего от нас сейчас требуют.) Мы участвовали в этом проекте с 1993 по 2002 год, начиная от первых встреч и заканчивая последними публикациями. Это был междисциплинарный проект, однако социологическая составляющая в нем была очень значительная.

Вы упомянули большой период — с 1993 по 2002 год. Там всего было много. Мониторинг был и методики разрабатывались.

Мониторинг, конечно. Но в нем главная заслуга принадлежит Наталии Паниной. Она была лидером проекта. Валерий Ворона был тем, кто этот проект всецело поддержал, верил в него и продвигал. Николай Чурилов очень помогал в разработке выборки, а потом и финансово поддержал — в самом начале. Моя роль была в том, что мы с Наталией Викторовной этот проект постоянно обсуждали вместе, каждый вопрос, каждый нюанс. Это был результат нашего совместного труда и труда многих других сотрудников института. Хотя, безусловно, лидером была Наталия Панина.

Что заслуживает первоочередного внимания в период после 2002 года?

После 2002, безусловно, это Европейское социальное исследование, когда я откликнулся на предложение московского социолога, моего друга и соавтора Владимира Магуна, который сказал, что есть такой невероятный проект, получивший премию Декарта, и Украина должна в нем участвовать. Я встретился со всеми руководителями проекта, убедил, что Украина должна там быть, и даже добывал деньги на пять волн этого проекта. Я был руководителем проекта, а также представителем в исполнительном международном комитете от Украины. Исключение — первый год, когда представителем был Владимир Магун. На тот момент я был только внутренним руководителем. Наталия Викторовна была главным методологом, Андрей Горбачик — главным специалистом по организации исследования — национальным координатором. Там были невероятно сложные условия организации, и Андрей Горбачик сыграл огромную роль в том, чтобы эти условия соблюдались. Такая у нас была команда. Центр “СОЦИС” под руководством Николая Чурилова, проводил полевой этап исследования.

У этого исследования были очень высокие методологические требования, соблюдение которых контролировал методический комитет в Норвегии. И мы все это выдержали. А то, что исследование для Украины прервалось в 2014 году, — это не наша вина. Проблема в финансах. Требовалась поддержка государства. Украина должна была войти в этот комитет как государство, уже мало было участвовать в качестве исследовательского института. Это связано с тем, что Европейское социальное исследование стало для Европы рамочным проектом, в который входили государственные структуры.

До этого Украина приняла участие в 5 волнах. По результатам исследований были написаны тысячи статей, десятки монографий, десятки диссертаций.

И до сих пор данные доступны, с ними можно работать, изучать.

Но, к сожалению, нет последних волн по Украине.

О чем важном Вы бы еще хотели сказать?

В связи с моим юбилеем Борис Докторов сказал, что я являюсь истинно публичным социологом. Наверное, в этом что-то есть, если учесть, что я вполне бескорыстно дал сотни интервью и тысячи комментариев по поводу нашего общества.

Велики ли издержки от роли публичного социолога, ее влияние на жизнь?

Невероятные. Во-первых, эмоциональное выгорание. И это еще не самое страшное. Требуются огромные временные затраты. Это потерянное время — все в ущерб академической работе. Я бы мог написать в два раза больше, если бы не занимался публичной социологией, говорю откровенно, в два раза больше. Так у меня примерно пятьсот научных работ, а была бы, наверное, тысяча, если бы я не занимался этой изнурительной публичной деятельностью.

Это же инвестиция в академический статус.

Нет, в академический статус никакой инвестиции это не дает. Разве что кому-то может нравиться, что узнают на улице. Но академическим такой успех вряд ли можно назвать.

Я имею в виду, что чем больше ты популярен в публичной плоскости, тем больше людей и в академической среде, особенно среди тех, кто моложе, будут обращаться к твоим работам.

Нет.

Нет?

Нет. Я знаю людей, которые более публичны, чем я, и у которых индекс цитирования невысок.

Может быть, они мало сделали, мало написали?

Не знаю.

Надо соблюдать баланс.

Не буду придумывать, но не уверен, что этот так. Это разные вещи. Я публичный социолог по двум причинам. Во-первых, у меня такой темперамент, что я откликаюсь на социальный запрос. А во-вторых, я, как и Майкл Буравой, считаю, что мы обязаны быть просветителями и быть в ответе за то, что изучаем. Я всегда считал, что и для социологов годится афоризм из “Маленького принца” (с небольшой модификацией) — “мы в ответе за тех, кого изучили”.

С издержками в жизни публичного социолога понятно. А угрозы?

Угрозы здесь нешуточные. И было множество случаев, когда люди страдали от этого, например, от интервью. Я мог бы привести много примеров, но не стану. Это академическое интервью. Да, угрозы есть. Политикам не нравится. Я знаю, как президентам не нравилось. Серьезные угрозы были. Быть публичным социологом не просто. И это проблема любого публичного ученого, если он не конъюнктурщик и не приспособленец (обязательно запишите это). Это проблема любого честного публичного ученого. А конъюнктурщики и приспособленцы прекрасно себе выгоду извлекают, в том числе финансовую, из своей публичности. Тогда как честный ученый только проблемы имеет. Поверьте мне.

Похоже, мы в общих чертах обрисовали Ваш научный вклад в социологию...

Еще я хотел бы сказать, что мой вклад — это и мои ученики. Вот Вы, например, являетесь достойным участником всего того, что делает наш отдел методологии и методов социологии. И я это высоко ценю. И в следующей коллективной книге нашего отдела основные методические достижения будут принадлежать Вам. И я не только этого не стыжусь, я горжусь этим как научный руководитель. Если ученики не будут превосходить учителей, прогресса в науке не будет. Я горжусь, что Вы как мой ученик и преемник сделали самый весомый вклад в нашем обобщающем труде по развитию методологии и методов социологического познания.

Спасибо, я очень старался. Завершая мой вопрос, могли бы Вы перечислить основные концептуальные результаты Вашей академической деятельности в социологии?

Давайте, попробую. К таким результатам относятся обоснование принципа единства формирования профессиональной ориентации и жизненной перспективы молодежи, создание концепции общих и специфических социопатий трансформирующегося общества, разработка методик измерения социального самочувствия, жизненного и политического успеха, определение тенденций и закономерностей формирования политической культуры украинского общества, разработка методологических основ исследования и типология социальных феноменов, концепция постсоветской амбивалентности, двойственности институциональной системы и возникновения феномена аморального большинства в украинском обществе... По крайней мере, это то, что первым приходит на ум.

Спасибо, Евгений Иванович. А как бы Вы охарактеризовали состояние академической социологии в Украине на сегодняшний день?

Я бы так сказал. Если говорить об академической социологии в узком смысле этого слова — это наш Институт. Он у нас единственный академический Институт. Я абсолютно убежден, что за последние годы у нас большой прогресс. Особенно это заметно по тому, что больше стало крупных и серьезных публикаций, фундаментальных монографий. Это первое. Я не буду их перечислять. Мы ведь знаем — кого-то забыли, и получится некрасиво, а их же десятки. Во-вторых, стало больше публикаций на английском языке. Это тоже важно. Пусть с нашими работами знакомится международная общественность. И наконец, третье. Появились монографии в которых мы участвуем и которые мы создаем в крупных зарубежных издательствах. Последний пример 2020 года — книга, где в основном представлен наш отдел. Это “Ukraine in Transformation: From Soviet Republic to European Society”. В солидном международном издательстве издана. Так что и это очень важный шаг. То есть я считаю, что в академической социологии в узком смысле, конечно, прогресс заметен. А вот академическая социология в международном понимании, что значит просто научная (и преподаватели университетов тоже попадают под это определение), — я не скажу, что она деградирует. Беда не в этом. Она сокращается в объеме, поскольку социологию исключили из числа обязательных дисциплин. Это, я считаю, было ошибочным решением. Сокращается и набор студентов на социологию. Социология оказалась не по зубам подавляющему большинству абитуриентов. А знаете почему? Потому что нужны как гуманитарные знания, так и точные. И соединить это довольно трудно. В психологии та же ситуация. Там тоже нужны гуманитарные и точные знания. Но психология предлагает конкретный путь для нашей вполне прагматичной молодежи, — путь заработка. Психолог может зарабатывать в самых разных местах. Где может заработать социолог, кроме нескольких серьезных опросных центров, пока остается загадкой. И на кафедрах, которых становится все меньше в силу того, что социологию убрали из обязательных предметов, тоже проблематично. Как выжить академической социологии в вузах — это большая проблема. Я им желаю выдержать эти тяжелые времена. Я абсолютно уверен, что социология станет очень перспективной специальностью, когда в Украине наладится

жизнь. На социологию пойдет больше студентов еще и потому, что это интересная наука, кроме всего прочего. Очень рискованная, провокативная, безусловно, но очень интересная наука. И я думаю, что будет достаточное количество желающих учиться по этой специальности. Но это в те времена, когда родители и сами дети будут уверены, что социология дает возможность достойно жить. Пока такой уверенности, к сожалению, у людей нет.

Завершающий вопрос. Что, на Ваш взгляд, является приоритетом для развития академической социологии в Украине на сегодняшний момент?

Первое и наиболее важное — это международное сотрудничество. Те деньги, которых нет в Украине для того, чтобы поддерживать дорогостоящие социологические исследования, всегда можно, при желании, работоспособности и напористости, найти в международных проектах. Я лично участвовал в десятках международных проектов. Причем не самый я нахрапистый человек. В 90-е годы это было экзотикой. Когда мы первый раз попали на всемирный научный конгресс с Наталией Паниной, нас просто атаковали. Атаковали десятки представителей диаспоры, которые в программе нашли только одно выступление из Украины. Можете себе представить? Это, правда, был конгресс не по социологии, а по политическим наукам. Но нас с Наталией Паниной весь цвет украинской диаспоры приветствовал... Они кинулись изучать программу, и один-единственный доклад из Украины принадлежал нам. Вот были времена. А сейчас уже многие выходят на международные контакты, и этот путь самый правильный, потому что у нашего государства денег еще долго не будет для того, чтобы ощутимо поддерживать академическую социологию. А в мире они есть. Просто надо сотрудничать, надо работать, печататься, участвовать в международных встречах.

А внутри страны что мы должны делать сами, если без партнеров? Партнеры есть, но мы же не только на них ориентируемся.

А внутри нужно воспитывать себе заказчика. Мы должны воспитывать потребителя социологической информации. Прежде всего, это, конечно, сильные мира сего — в политике, в бизнесе, в культуре, в науке и т.д. Еще и поэтому мы должны быть публичными. И чем больше у нас будет публичных людей в нашей сфере, тем больше шансов, что мы воспитаем плеяду заказчиков, которые будут готовы платить деньги за основательные исследования и пользоваться нашей информацией, нашими рекомендациями.

То есть круг замкнулся. Академическая и публичная социология вместе.

Да. И кроме того, согласно концепции Буравого, мы должны развивать также критическую социологию, которая должна быть совестью академической. У нас это не сильно развито. Это направление тоже надо развивать — критическую социологию. Не в том смысле, чтобы хаять своих коллег. А просто всегда признавать ошибки, если они есть, признавать правоту оппонентов, да и вообще, говорить правду и оценивать все по реальным результатам. Независимо от званий, чинов и регалий. И от конъюнктуры — политической и финансовой.